

А Цзю откровенно ответил:

— Если они сами поднесут — возьму. Не поднесут — отнимешь ты.

Тан Шаотан: «...»

С таким наглым характером, как у А Цзю, в мелкие воришки или захудалые солдатики он не годился. Чтобы прохожие не прикончили, нужно было как минимум стать атаманом в горах.

Когда уличная потасовка казалась неминуемой, из-за рядов слуг поспешно вышел знакомый человек.

— Кто смеет буяннить у ворот дома Фань!

Управляющий Лян грозно сверкнул глазами, но взгляд его столкнулся с А Цзю, который махал ему рукой. Величие на его лице тут же разбилось в жалкую, неловкую улыбку.

— Два молодых героя... целы и невредимы?

Он долго ждал вестей от подчинённых и теперь, увидев двух гостей, которые должны были быть мертвы, живыми и здоровыми, не мог не перепугаться.

— Как прекрасно, что вы целы! Вы так долго отсутствовали, я уж забеспокоился. Прошу, проходите, располагайтесь.

А Цзю беззастенчиво прихвастнул:

— Эка невидаль — какие-то разбойнишки! Я и шевельнуться как следует не успел, а они уже полегли.

А Цзю и правда не шевелился — он всё время возился с рисом. Шевелился Тан Шаотан.

Управляющий Лян подобострастно поддакнул:

— Истинно так: герои появляются среди молодых! — Он украдкой взглянул на выражение лица А Цзю и осторожно спросил:

— А как же девушка Чжу...

А Цзю тяжело вздохнул и покачал головой:

— Не видели. Красота, как водится, недолговечна. Должно быть, погибла.

Услышав это, управляющий Лян то ли облегчённо вздохнул, то ли сокрушённо ахнул и покачал головой:

— Эх, девушка Чжу была хорошей. Если старший молодой господин, когда вернётся из путешествия, узнает о её гибели, горю его не будет предела.

А Цзю усмехнулся про себя: «Забавно у вас в семье Фань: настаиваете, что это «путешествие», а не «исчезновение»».

Пока А Цзю и управляющий Лян разыгрывали из себя героя и скорбящего, прибежал слуга с докладом:

— Господин вернулся в дом и просит двух героев пожаловать.

А Цзю прищурился, уголки глаз его изогнулись, очерчивая хитрую улыбку.

Наконец-то главное лицо соизволило показаться.

А Цзю:

— Ваш господин разве не через главные ворота возвращается?

Фань Цзэчэн вернулся, а они с Тан Шаотаном всё это время толклись у ворот, перекидываясь любезностями с управляющим Ляном, и так и не встретили его. А теперь говорят — «вернулся и просит»?

Неужели прокрался через чёрный ход?

Или же он всё это время был в доме, просто притворялся отсутствующим и намеренно не принимал гостей.

Управляющий Лян с подобострастной улыбкой стал объяснять:

— Молодой герой шутит. Господин вернулся уже некоторое время назад. — Он обернулся и отчитал слугу:

— Что за «вернулся»? Господин уже давно в доме и ждёт. Вы не только доложили несвоевременно, но и слова связать не можете?

Управляющий Лян в самом деле побаивался этого прямолинейного и несдержанного на язык А Цзю, но теперь, опасаясь его неведомой силы, не смел проявить непочтительность, поэтому выместил досаду на ничего не подозревавшем слуге.

Он махнул рукой, отпуская слугу, и обернулся к А Цзю с заискивающей улыбкой:

— Они дела справляют плохо, позвольте мне лично проводить вас, дорогие гости.

...

Гостевой зал дома Фань был отремонтирован с большой роскошью. Его форма была изящной и величественной, в точности как описывали древние: «расписные балки, резные колонны, алые столбы, украшенные карнизы» — вид незабываемый.

На главном месте в зале восседал самый почтенный человек в доме Фань — Фань Цзэчэн.

Лицо правильное, борода ухоженная, осанка величественная, вид внушительный.

— Мой сын был в пути под вашей опекой, старик не знает, как и отблагодарить.

А Цзю криво усмехнулся и напрямик спросил:

— Твой сын говорит, что его брат пропал, а ты искать не хочешь?

Управляющий Лян гневно воскликнул:

— Что за вздор! Молодой герой А Цзю, не пользуйтесь добротой моего господина...

Фань Цзэчэн поднял руку, останавливая его:

— Старина Лян, не горячись. Этот молодой герой... А Цзю, верно? Люди рек и озёр говорят прямо и действуют свободно. Ничего.

— Молодой герой А Цзю, сын мой ещё молод, словам его верить не стоит. Старший брат его уже взрослый, ныне путешествует, набирается опыта, домой навещается редко, потому с младшим братом и не так близок, как прежде. Сяо тоскует по брату — чувство понятное. Я-то думал, он дома покапризничает, я его пожурить — и дело с концом. Ан нет, ребёнок оказался упрямым: обиделся, из дома сбежал, да ещё и про «пропажу брата» всякие небылицы понарасказывал, ввёл вас в заблуждение. Прошу вас, учтите его юность и тоску по брату, не судите строго.

А Цзю: «...»

Сына потерял, а когда другие помочь ищут — не рад, из кожи вон лезешь, чтобы скрыть, отговорки правдоподобные сочиняешь.

Если тут нет чертовщины, то я тогда не знаю, что это такое.

Фань Цзэчэн сказал с отеческой заботой:

— Слышал я от старого Ляна, что вы не только сына моего благополучно вернули, но и помогли нашему дому Фань в деле о пропавшем зерне. Истинно: герои появляются среди молодых! Но, увы, небо беспристрастно, негодяи свирепствуют. Украсть зерно — ещё полбеды, но жизни отнимать — вот что поистине печалит сердце! Вы, молодые люди, — цвет мира рек и озёр, оказали нашему дому Фань услугу. Если в странствиях ваших встретятся трудности, и будет, в чём наш дом Фань сможет помочь, — не стесняйтесь, обращайтесь прямо к Фань.

Фань Цзэчэн, казалось, всем сердцем радел о Поднебесной, слова его были искренни, и каждая фраза дышала отеческой заботой о молодом поколении. А Цзю тут же, не мудрствуя, подхватил эту учтивую речь:

— Насчёт «обращаться»... Как раз сейчас есть дело. Лекарства у вас найдутся?

Услышав это, управляющий Лян чуть не заскрипел зубами.

Наш господин оказывает почёт талантам, а ты лезешь вперёд, наглец?!

Фань Цзэчэн не придал этому значения, проявив великодушие:

— Ха-ха, молодой герой А Цзю, вы прямой человек. Старина Лян, принеси-ка лекарств для двух героев. Вынь всё ценное, что в доме припасено.

Управляющий Лян, с тёмным лицом, согласился. Не прошло и мгновения, как за ним выстроились десять служанок, каждая с подносом, полным чудодейственных снадобий: тут и склянки, и горшочки, и коробочки, обтянутые парчой.

Управляющий Лян, как управляющий в богатом доме, даже если в душе ему тысячу раз не хотелось отдавать драгоценные лекарства двум наглým бродягам, раз господин приказал, не мог уронить его лицо. Если уж дарить, то только то, что достойно показать.

Однако, даже если лекарство хорошее, распознать это может лишь знаток. Руководствуясь

невысказанными личными мотивами, он велел переложить дешёвые и обычные снадобья в фарфоровые и яшмовые сосуды и смешать с подлинно редкими и драгоценными пилюлями. Так, перемешав всё, можно было сбить с толку и затруднить выбор.

— Молодой герой А Цзю, извольте взглянуть. Это всё драгоценные лекарства из запасов моего господина. Вы — и благодетели молодого господина, и почётные гости самого господина. Можете без стеснения выбирать, что пожелаете.

Лекарства перед вами, а уж разбираться в них — ваша забота.

А Цзю приподнял бровь, его прекрасные глаза скользнули по богатому ассортименту склянок, и он хихикнул:

— Самому выбирать? Ну тогда я не буду церемониться.

Управляющий Лян: «А ты когда-нибудь церемонился?»

Спустя полчаса управляющий Лян горько пожалел о своей недооценке противника.

То, как «не церемонился» А Цзю, было за гранью его понимания.

Десять служанок с десятью подносами, полными лекарств, — А Цзю не пропустил ни одного. Он открывал каждый пузырёк, горшочек, коробочку и мешочек, словно лекарь, осматривающий пациента и сразу же выписывающий рецепт, тщательно обнюхивал и пробовал каждое средство.

Те, что для наружного применения, он тут же намазывал на тыльную сторону ладони. Те, что для приёма внутрь, — не церемонясь, зачёрпывал пальцем и отправлял в рот.

Он ни капли не боялся древней мудрости «в лекарстве есть яд» и не опасался, что, пробуя, может отравиться насмерть.

Зрелище, открывшееся глазам, поразило не только дом Фань. Даже обычно безучастный Тан Шаотан был изумлён.

Если другие были просто шокированы, то Тан Шаотан нарушил неписаное правило взрослых — «понял, но промолчи».

— Ты яд пробуешь? — спросил он.

Служанка, державшая поднос, дрогнула, едва не уронив его. Она украдкой взглянула на мгновенно побледневшего управляющего Ляна, затем на гостя, прекрасного, как небожитель, и внутренне застонала.

«Понял — и промолчи, святой человек!»

<http://bllate.org/book/16258/1462732>